
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е.Л. Яковлева

ПОТАЁННОСТЬ КАК НЕБЫТИЕ БЫТИЙНОГО / БЫТИЕ НЕБЫТИЙНОГО

Аннотация. Предметом исследования выступает компонент субъективного бытия личности, представленный в виде потаённого. Сложность анализа обусловлена тем, что потаённое, имеющая мест о в жизни каждого человека, намеренно подвергается сокрытию: потаённое, обладающее собственным содержанием, служит мощным источником конструирования личности, стимулируя её жизненные проявления, но при этом тщательно вуалируясь и контролируясь. Только личность способна потаённое частично / полностью вывести из сферы субъективного в объективное как непотаённое, осуществляя по-став в виде про-из-ведения, или навсегда оставить его при / в себе. Но даже частично раскрытое потаённое оставляет место для непостижимого и простор для его интерпретаций, осуществляемых с позиций иной субъективности. Анализ феномена позволяет классифицировать его как небытие бытийного (в-себе-потаённое), бытие небытийного (вне-себя-потаённое) и переход между ними (из-себя-потаённое). Проблема рассматривается в форме нарративного дескрипта с использованием диалектического и феноменологического методов, принципа интенционального анализа, помогающих раскрыть специфику психического феномена. Новизна исследования и полученных результатов заключается в анализе сложного психического феномена и осуществления попытки его классификации в бытии личности. Положения и выводы исследования можно применять при работе с людьми, а также интерпретации разного рода текстов и составлении психологических портретов личности.

Ключевые слова: Небытие, потаённое, небытие бытийного / в-себе-потаённое, из-себя-потаённое, бытие небытийного / вне-себя-потаённое, ил у а, постав, непостижимое, про-из-ведение, самобытие.

Review. The subject of the research is the component of the subjective life of the person presented in the form of the hidden. The complexity of the analysis is due to the fact that a secret as something that exists in everyone's life is deliberately hidden: a secret can be a powerful source for personality development but at the same time be hidden and carefully controlled. Only an individual himself can perform 'pro-of-knowledge' and partially or fully withdraw his secrets from the subjective sphere into the objective sphere where they stop being secrets. He can also keep a secret to/in himself. According to the author, even partial disclosure of the hidden still leaves the room for exploration and interpretation from the point of view of another subjectivity. Based on the results of the analysis, the author creates a classification of the hidden as the existential nothingness (secret-in-itself), existence of nothing (secret-out-of-itself) and the transition between them (secret-from-itself). The problem is viewed by the author in the form of a narrative description using dialectical and phenomenological methods and the principle of intentional analysis that helps to reveal particular features of this psychic phenomenon. The novelty of the research is caused by the fact that the researcher analyzes a complex psychic phenomenon and offers a classification of different types of this phenomenon in terms of individual existence. Terms and findings of the research can be used when working with people as well as interpreting various kinds of texts and writing psychological profiles.

Keywords: incomprehensible, nothingness, non-existence, secret, the hidden, existential nothingness / secret-in-itself, secret-from-itself, existence of nothing / secret-out-of-itself, ил у а, posture, pro-of-knowledge, original.

Человек живёт в океане Небытия, не задумываясь о том, что оно – обязательная составляющая реальности, ввиду того, что «нет небытия иначе, как на поверхности бытия» [1, с. 79]. Отсутствие рефлексирования по

этому поводу нередко оберегает личность от опасностей, влекущих за собой проявление тотального пессимизма, фатализма и обреченности. Тем не менее, в бытии личности случаются онтологические повороты, заставляющие задуматься над смыслом

слова *никогда*. Именно в этот момент человек начинает, пусть не всегда в полной мере, осознавать бытийность Небытия / ничто, сопровождающие его в / по жизни и проявляющиеся в определённые периоды особенно отчетливо. Окруженный *ничто*, но до конца не понимающий глобальности его масштабов, человек вдруг приходит к озарению того, что он мог не родиться, не оказаться в определённом месте, не выбрать вектор развития, согласно которому он живет, не встретиться с какими-то людьми и пр. Человек, бытийствуя, из множества *возможных вариантов* жизненного Пути, потенциально существующих / заложенных в пространстве окружающего небытийного, выбирает только один (правильный / неправильный?) и живёт согласно ему до следующей узловой ситуации. Сколько неоткрытых дверей небытийного окружает личность? Сколько неиспользованных возможностей? Сколько неслучившихся встреч? Сколько всего нереализованного, но возможного быть? Рождаемые вопросы побуждают нас предпринять научный поиск в океане Небытия, который *способен* осуществить исследователь. Но в пространстве Небытия оказывается множество закрытых феноменов, ключа от которых не существует либо он потерян. Среди доступной для философской рефлексии формы Небытия оказывается *потаённое*, имеющее место в жизни каждой личности.

Потаённость – феномен сложный, труднодоступный и трудно постижимый, способный либо частично / полностью высветиться, показывая *бытие небытийного*, либо навсегда остаться небытийным при своем бытии (*небытие бытийного*). Подчеркнём, при любом варианте (полное / частичное / нулевое обнаружение) *потаённость* имеет место быть, потому что «нет бытия, которое не было бы бытием некоего способа бытия и которого нельзя было бы уловить в этом способе бытия, обнаруживающем и в то же время прячущем его» [1, с. 54]. Существование *потаённого* есть *бытие-в-себе*, которое окружающими людьми может только (интуитивно) улавливаться, но не схватываться в полном объеме. Объясняется ситуация тем, что *потаённость* в своем бытии оказывается «по ту сторону мира» как «внезапное возникновение «человеческой реальности» в ничто», где «мир содержится в «непроявленном» состоянии» [1, с. 81]. В существовании *потаённого* имеет место противоречие: оно одновременно изгоняется из объективного бытия в субъективное и, бытийствуя в нем, желает выйти / прорваться в объективное. Дело в том, что *потаённая* реальность

как форма бытия живет «отрицанием в своей внутренней структуре как необходимым условием существования» [1, с. 85]. Ссылаясь на Ж.-П. Сартра, охарактеризуем *потаённое* как *ничто*, которое «может быть явлено, то не перед, не после бытия, не, вообще говоря, вне бытия, но только в самих недрах бытия, в его сердцевине», вследствие чего это «особый тип реальности», называемый *отрицательностью / négativité* [1, с. 86, 87].

В виду сложности феномена исследование *потаённости* как *négativité* начнем с его значения, пытаясь, по Ж.-П. Сартру, осуществить *откровение-открываемого*. Слово *потаённость / по-таённость* отсылает нас к корню *тайна*, олицетворяющим *ничто* сокрытое / неизвестное / запретное, что явно указывает на его бытийность. *Тайна* и *потаённость / по-таённость*, несмотря на однокоренную природу, разнятся степенью сокрытого и неизвестного. *Тайна* предполагает формальную открытость, но содержательную закрытость, то есть *тайна* – это то, что видят / ощущают / знают все. Неслучайно она имеет место в социальном, вспомним *тайну* исповеди, государственную / профессиональную / коммерческую / научную *тайну*. *Потаённость* приводит нас в *сферу субъективности* как *глубокой интимности с самим собой*, которая не афишируется и нередко намеренно не выводится в объективное, поддаваясь контролю со стороны субъекта, то есть *потаённость* обладает формальной и содержательной закрытостью. Словообразовательная единица *по-* в контексте нашего рассуждения рождает степень сравнения (подобно *больше – побольше*), погружая в *глубинность субъективности* и указывая на полный / частичный охват своей субъективности личностью на протяжении определенного времени с целью сохранения / изучения. Неслучайно слово *потаённость* употребляется только в пространстве субъективного (вспомним, *потаённые* мысли, *потаённую* печаль, *потаённую* силу, *потаённое* место или *потаённый* смысл слов). *Потаённость* сокрыта *в-себе*, осуществляясь *для-себя* и иногда делая допущение открыться для-Других, но вуалировано – посредством метафор, иносказаний и символов.

Подчеркнём, в самом мироздании присутствует сокрытость, стимулирующая исследования в различных областях науки, что позволяет говорить не столько о *потаённости*, сколько о *тайне* бытия. В итоге, личность, пытаясь раскрыть / постичь бытийную *тайну*, проявляя любопытство, задавая вопросы и осуществляя поиск ответов на

них, вступает в *Мегаигру*, где в качестве основных игроков выступают *тайна бытия* и *потаённость человека*. При этом, играя с бытием в целом, потаённость как бытие-в-себе укрывает ответ на вечный вопрос «чего хочет личность?».

Процесс познания потаённого связан с интенциональностью как направленностью сознания на объект: «любая теория познания предполагает метафизику» [1, с. 38]. В результате фокусирования сознания на потаённом выясняется, что в нем присутствует *нечто*, которое по своей природе предметно. Здесь высвечивается парадоксальность ситуации: «сознание не содержит объект в себе, объект не находится в сознании», но при этом «сознание имеет перед собой предмет как образ» [2, с. 38]. Связующим звеном в этой парадоксальности выступает субъект, создающий свое потаённое и осознающий его, тем самым рождая субъект-объектное многообразие отношений / *Ego-cogitatio-cogitata* благодаря «круговороту самости» (Ж.-П. Сартр). Только субъект может создавать, а затем адекватно познавать и понимать свое потаённое как *само-для-себя-в-себе-сущее*. Ж.-П. Сартр справедливо замечает, «в каждый момент нашей сознательной жизни мы открываем творение *ex nihilo* [из ничего]. Не новое расположение, но иное существование» [1, с. 23]. Это существование непрозрачно, непроницаемо и бесконечно плотно. Оно не имеет количественных и качественных характеристик: потаённое – это абсолютное *бытие-в-себе*, чуждое не только внешнему миру, но нередко и своему хозяину.

Наличие потаённого рождает противоречие между ним и бытием субъекта, связанное с сокрытием и открытием. Так, содержательная сторона потаённого может быть различной, а субъект как хозяин может придать содержанию модус позитивности или негативности, что выводит нас на новый уровень проблемы. Потаённость сопряжена одновременно со свободой и несвободой. С одной стороны, личность *свободно* выбирает то, что будет в ее потаённом, связанном с бытием в объективном и собственным опытом, и распоряжается этим по своему усмотрению. «Я один являюсь постоянным источником их небытия, я включен в них; чтобы появилась моя возможность, я полагаю другие возможности, чтобы их ничтожить» [1, с. 99]. Неслучайно потаённость благодаря субъективной свободе предполагает множество вариантов своего демонстрирования: пред-потаённость, до-потаённости, к-потаённости, в-потаённости, за-потаённостью, над-потаённостью,

о-потаённости, от-потаённости, под-потаённостью, с-потаённостью, вне-потаённости. С другой стороны, потаённость накладывает табу, связанное с неразглашением сокровенного, тем самым делая личность *несвободной* в некоторых проявлениях. Можно заключить, потаённость имеет три модуса своего обнаружения: *в-себя-потаённость* как субъективный модус небытия бытийного, *из-себя-потаённость* как модус перехода из небытия бытийного / бытия небытийного в бытие небытийного / небытие бытийного, *вне-себя-потаённость* как объективный модус бытия небытийного.

Потаённость можно считать предзаданностью / пред-заданностью человеческого бытия. Например, появление человека на свет – потаённость, период до момента отчетливого говорения ребенка – потаённость, позже – сознательное научение потаённости в силу жизненных обстоятельств / психических особенностей и др., уход из жизни – потаённость, смерть – потаённость. Вспомним С. Франка, интуитивно верно проникшегося сутью потаённого, обозначенного им *непостижимым таинством*. «Перед лицом событий, которые нас потрясают – будь то смерть близкого человека или рождение нового человеческого существа, – мы чувствуем, что стоим перед неким таинством: носители жизни как будто исчезают в какой-то непостижимой дали или всплывают из непостижимой глубины» [3, с. 191]. Заметим, смерть уносит потаённое, явленное как *в-себя-потаённость* и не высвеченное как *вне-себя-потаённость*, в бездну Небытия, навсегда оставляя неизвестным часть духовного проявления личности и ее невысказанность, умножая тем самым небытийный модус потаённого как бытия.

Еще один аспект гносеологической составляющей потаённости проявляется в следующем. Потаённость необходима для личности как познание и понимание себя, что влечет за собой раскрытие и проявление в социальном, то есть *бытие-в-себе* необходимо для *бытия-для-себя* и *бытия-для-Других*. *В-себя-потаённости* как самозабвении высвечивается глубина мыслей и искренность чувств в их богатейшей палитре, тем самым раздвигая границы в бескрайнем океане Я. Она навсегда может остаться в бездне духовного мира, самости, никогда не имея возможности «*выйти*» из глубин и «*увидеть*» бытие, не воплощаясь / не реализовываясь либо намеренно вуалируясь / изменяясь / символизируясь, тем самым создавая намеренные препятствия / барьеры. В личностном бытии и для себя, и

для Других потаённость, выходя из глубин субъективности как *вне-себя-потаённость*, нередко провоцирует непредсказуемость в проявлении / поведении / речи. При этом потаённость выступает «охранной грамотой» для проявления в социальном, где необходимо придерживаться границ в виде церемониала / правил, укрывать субъективно-сакральное, заботиться об окружающих и проявлять по отношению к ним воспитанность / деликатность / тактичность. В этом отношении потаённость выступает оберегом, помогающим самовыразиться в социальном и укрыть своё сокровенное от посторонних.

Узнать о потаённом личности можно только опосредованно в поступках / жестах / эмоциях, оговорках, творчестве, проявляя культуру соучастия / со-участия и эмпативность, и / или при единстве мировоззрений / душевном родстве. Дело в том, что потаённость способствует (рациональному / бессознательному) дистанцированию личности от окружающих, но отдаленность энергично ощущается в метафизическом многозначности как личном символизме / недоговоренности / укрытии. Можно утверждать, что потаённость являет собой *одиночество души*, сбываясь как тайна (*бытие небытийного*) или уходя вместе со своим хозяином в небытие, оставаясь преданным ему (*небытие бытийного*). В этом заключается великая сила потаённости, рождающая трагедийность невысказанной личности, тем самым выступая в качестве центра притяжения (к) субъективной жизни и открывая простор интерпретации сокровенного Другими.

Потаённость можно считать, пользуясь терминологией Э. Левинаса, *il y a*, что буквально переводится «есть», «имеется», «существует», очередной раз указывающими на ее бытийность. Этим понятием философ обозначает безграничный *акт-существования*, не имеющий начала и конца. Акт-существования безразличен любому отрицанию, а его осознание не дает человеку ни радости, ни утешения: *il y a*, в интерпретации Э. Левинаса, есть злое, непрерывно выматывающее бытие, привязывающее к себе, спасением от которого является сон или смерть. Пытаясь найти ответ на гамлетовский вопрос «Быть или не быть?», Э. Левинас приходит к выводу, что вопрос превосходит трагедию. «Гамлет понимает, что «не быть» может быть невозможно, что даже через самоубийство совладать с абсурдом невозможно» [4, с. 35]. Мы считаем, что *il y a*, пронизывая собой бытие личности, проявляется

в своей тотальной безграничности в потаённом, которое всегда с хозяином / в хозяйне / при хозяйне. Потаённость никогда / нередко не может проявиться во вне, мучая личность привязанностью к ней и своим не сбывшимся / не сбывающимся.

Потаённость усугубляет *проблему одиночества* в его модусах внутреннего и внешнего. Каждый человек изначально одинок, проживая исключительно свою жизнь: он привязан к своему акту-существования, разглядывая мир из своего *здесь и внутри*, являющегося, в том числе, его потаённым. «Освоенность человеком своего существования Левинас соотносит с прикованностью к своему я, к «заключению в цепи бытия» своего я, которое втягивает все в полосу своего сознания. Осознав невозможность выхода из цепи бытия, человек испытывает страдание» [5, с. 558], наиболее ярко проявляющееся в мучениях и болезни. «Цепи бытия» Э. Левинаса, как мы считаем, создаются не в последнюю очередь, потаённым, удерживающим личность в рамках скрываемого и тщательно оберегаемого от Других, являя тем самым его несвободу, невозможность вырваться из этого плена и принося (болезненные) мучения.

Но при этом субъект по своей природе самоидентифицируется, потому что он *исходит из себя* и *к себе возвращается* (по Ж.-П. Сартру, «круговороту самости»), и здесь значительную роль играет потаённое, рефлексирование над которым выступает в качестве «*точки сборки*». Подчеркнем, нередко потаённое способствует «круговороту самости», благодаря движению из *в-себя-потаённости* через *из-себя-потаённости* во *вне-себя-потаённость* и обратно. В описанном круговороте самоидентифицированность Я не дает ему быть Другим. Я, считающее себя Другим, всего лишь «игра Самоидентифицированного» (Э. Левинас), иллюзия, ведущая человека к самому себе, поэтому потаённость остается с человеком / в человеке / при человеке, оставляя его непроницаемым / отчужденным для Других. От загроможденности собой и своим потаённым человек не может уклониться – его везде настигнет собственный акт-существования и его потаённое как органичная часть акта-существования. Это означает, что человек, рефлексировав, владеет собой, осознает себя, заботится о себе и своей жизни. За него никто не сделает ничего. Все перечисленное осложняет трансценденцию – *исхождение из себя*, так как потаённое настоятельно требует своего сокрытия / укрытия. И если через тотальность *il y a* как бытия личности прорваться можно благодаря Другому, то через то-

тальность *il u a* как бытия потаённого практически невозможно, нередко даже энергично. Потаённое оставляет за собой молчание в виде недоговоренного и невыразимого многоточия. Например, смерть – это потаённое: она предоставляет человеку неизвестность и ее невозможно помыслить. Субъект становится беспомощным: на его пути возникает *ничто*, которым невозможно обладать и присвоить, потому что в этой ситуации смерть обладает человеком, а не он ей. Осмысляя смерть, Э. Левинас приходит к следующим выводам: во-первых, смерть разрывает человека с его актом-существования и тотальной длительностью *il u a*; во-вторых, субъект в акте умирания не способен мочь, то есть не способен властвовать и овладевать, подчиняясь смерти. Смерть открывает Я возможность к трансцендированию, то есть выходу за пределы самоидентификации. Продолжая рассуждения в духе Э. Левинаса, подчеркнем: смерть не способствует раскрытию потаённого, навсегда оставляя его в виде чистого листа для Других как *небытия бытийного*.

М. Хайдеггер в своей работе «Вопрос о технике» потаённость связывает с *истиной*, считая, что посредством *постава / по-става как техники* ее можно вывести в непотаённость, тем самым рождая произведение / *про-из-ведение*. Следуя логике М. Хайдеггера, потаённость как субъективный модус небытия бытийного (*в-себе-потаённость*), осуществляя акт перехода из небытия бытийного в бытие небытийного (*из-себя-потаённость*), приходит к модусу бытия небытийного (*вне-себя-потаённость*). При этом, как справедливо отметил Платон, «всякий повод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть *ποίησις*, про-из-ведение» [цит. по: 6, с. 223], которое олицетворяет всё присутствующее / явленное / открытое, выведенное из потаённости, поэтому его можно считать событием / со-бытием. Ввиду того, что потаённость связана с истиной как правильным представлением, то и любое про-из-ведение как *вне-себя-потаённость* есть истина.

По М. Хайдеггеру, потаённость раскрывается посредством техники – *постава / по-става*, где «извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование – виды выведения из потаённости» [6, с. 225]. По-став осуществляет в человеке и через него в тот момент, когда он задумывается о себе и пытается самостоятельно ответить на Вызов окружающего мира. Технически он осуществляется как *становление (из-себя-потаённость)* с возможным последующим выстав-

лением / *вы-ставлением*, выводящим потаённое в непотаённое и становясь *состоящим-в-наличии*, то есть *вне-себя-потаённостью*. По-став ставит личность на «путь раскрытия потаённости», именуемый М. Хайдеггером судьбой, что служит человеку спасением, помогая «увидеть высшее достоинство своего существа и вернуться к нему», одновременно оберегая и непотаённость, и потаённость. На протяжении всей жизни «человек властно захвачен судьбой раскрытия потаённости», которое сокровенно и тайно [6, с. 227]. В этом контексте потаённое как *вне-себя-потаённость* дает возможность встретить и проявить себя в окружающем мире.

Но при этом, как мы считаем, вопрос о степени открытости потаённого как вне-себя-потаённости или хайдеггеровского *состояния-в-наличии* остается без ответа. Философ только констатирует факт осуществления индивидом *постава / по-става* как выхода из потаённого в непотаённое. К этому положению стоит добавить, что, раскрывая потаённость, личность сама регулирует степень ее обнажения: по-став «есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии» [6, с. 234]. М. Хайдеггер связывает степень открытости / закрытости про-из-ведения с определенной опасностью. В *непотаённом* власть личности теряется: действительность от человека ускользает, и он ею, несмотря на вовлеченность, не способен распоряжаться. Более того, если потаённое уходит с индивидом, то возможность его раскрытия в про-из-ведениях, оставленных им, также проблематизируется, что сопряжено с заслонением самого *про-из-ведения* как *поэзии* и существованием множества интерпретаций, осуществленных Другими с позиций своей субъективности (в том числе, своего потаённого).

Здесь мы приходим к еще одному аспекту исследуемой нами темы. Потаённость, как то, что сокрыто и необходимо познать, выступает в качестве объекта познавательного интереса, переводя тем самым свое небытие бытийного / бытие небытийного в область гносеологического. Но здесь возникает парадокс, связанный с тем, что чаще всего вообще неизвестно, что именно необходимо познавать: каждый человек, имея собственное потаённое, при взаимодействии с Другим намеренно не раскрывает потаённое и при этом забывает о его существовании в жизни Другого, не учитывая при коммуницировании. В связи с этим потаённое становится *непостижимым*.

Пытаясь раскрыть секрет непостижимого, С. Франк приходит к следующим выводам. Непостижимое – это нечто абсолютно недостижимое и непознаваемое, связанное с необъективируемой стороной окружающей действительности, встречаемое в составе опыта человека. Само бытие человека включает в себя непостижимое, связанное с антиномичным, трансрациональным и парадоксальным, что указывает на его двуединство «между бытием как чистой непосредственностью и бытием как самостью» [3, с. 331]. В этом двуединстве, с одной стороны, человек причастен к абсолютной, непосредственной реальности, имея дело с бытием, что проявляется в ситуациях, когда человек не властен над собою (переход сознания в дремоту / сон, самозабвение, нахождение во власти страстей, оцепенение в экстазе). Здесь высвечивается некая абсолютная, сверхрациональная сила. С другой стороны, каждый человек – носитель самобытия, ««мне принадлежащая» сфера бытия» [3, с. 333]. Сфера самобытия, о которой пишет С. Франк, напрямую связана с потаённым. В самобытии, по мнению философа, проявляется свойство, выражаемое глаголом *есмь* – он заключает в себе полноту и глубину человеческого бытия, перекидывая мостик в непостижимое. Это довольно емкое понятие, но оно не предполагает абсолютного Я, подчеркивая процесс формирования *эго*, не существующего самого по себе, отдельно от Другого. «Никакого готового «я», – подчеркивает С. Франк, – вообще не существует до «встречи» с «ты»» [3, с. 349]. Именно Другой позволяет обрести Я цельность. Человеческое самобытие представляет собой потенцию, становящуюся действительность, нуждающуюся во встрече с Другим, что позволяет сказать «я *есмь*».

Для человеческого бытия свойственен «момент динамичности, потенциальности, неустойчивости, незаконченности стремления», поэтому Я ощущает нехватку в Нечто. Как мы считаем, частично нехватку в Нечто компенсирует потаённое, являющееся составной частью *есмь* и формирующееся благодаря взаимодействию с Другим. *Есмь* как потаённое способствует полноте внутреннего бытия и его духовным исканиям. Но провозглашение Другому «я *есмь*» предполагает наличие определенного дистанцирования в виде сохранения личного потаённого (*в-себе-потаённость / небытие бытийного*) или его частичного экспонирования (*вне-себя-потаённость / бытие небытийного*). Взаимоотношения с Другим («я-ты») предполагают

трансцендирование, то есть выход за собственные пределы как обнаружение границ Я и преодоление собственной субъективности. Но, в свою очередь, Другой есть тайна и сокрытость, являющие себя в откровении как самообнаружении, выходящим за пределы привычного познания, оставляя место для непостижимого. Заметим, что непостижимое остаётся и у Я.

Взаимоотношения «я-ты» активны и направлены друг на друга, подразумевая участие, потому что Другой смотрит на Я. В итоге подобное взаимодействие приводит к откровению как глубинной связи, где присутствует единство раздельности и взаимопроникновения. Не только Я свершает навстречу к Другому трансцендирование, преодолевая себя и проникая в иное, но и Другой по отношению к Я совершает тоже самое. Не сливаясь с Другим, *эго* (Я и Другого) становится цельным и завершённым: Ты формирует Я, Я формирует Ты. Но глубинная связь «я-ты» не мыслится в понятиях, оставаясь на уровне непостижимого. Другой для Я одновременно и чужой, таинственный, неизвестный, и родственный, близкий, тождественный. «Непосредственное самобытие узнает в «ты» успокоительную, отрадную ему реальность сходного, сродного, родного ему – некую свою родину» [3, с. 366]. Непостижимое, связанное с глубинной связью «я-ты», о котором пишет С. Франк, во многом обусловлено взаимодействием, где у каждой из сторон существует свое потаённое, не давая полностью растворению Я в Ты.

Двойственность взаимодействия и понимания Другого приводит философа к пониманию «*святыни*», являющейся опытом откровения при встрече с Другим и условием бытия в социальном. Священность, подразумевающая уникальное и общее, подчеркивает ценность человеческого бытия и трепетное отношение к иному. Встаёт закономерный вопрос: возможно ли в социальном при взаимодействии с Другим раскрыть своё потаённое полностью, тем самым высвобождая себя из власти *il y a*?

В работе С. Франка мы находим вариант ответа на поставленный вопрос. Потайное поддается (возможному) раскрытию с помощью понимания и описания Другого в нравственных ситуациях *встречи, дарения и исповедания*. Все перечисленные ситуации связаны с доверием и состоянием безусловной открытости, позволяющими принять священность и уникальность Другого, тем самым открывая выход в реальный мир, не зависящий от нас. Так, *встреча* осознаётся только ретроспек-

тивно, *post factum*, потому что процесс встречи до-рефлексивен и необъективируем в виду своего вовлеченного / во-влеченного характера, имеющего в своей основе инстинктивное и эмоциональное желание, не сопровождаемое сознательным целеполаганием. Дарение трактуется философом как результат встречи, как событие, воспринимаемое в качестве приношения. Дарение как излишек выводит субъекта за пределы замыкания на себе, трансцендирования навстречу таинственности, сокрытости Другого. В акте дарения Я добровольно и бескорыстно отказывается от части себя и своей власти в пользу иного, тем самым сосредотачиваясь на нем. Подчеркнем, что, в свою очередь, и Другой осуществляет дар доверия и ответственности. Как справедливо замечает Б.В. Марков, «искренний и безответный, но налагающий чудовищную ответственность, дар выступает исходным основанием человеческого бытия» [7, с. 375]. Сходное с дарением понимание встречаем мы и в отношении *исповедания*, трактуемого С. Франком, как процесс приношения себя Другому в речи. Именно речь в её нравственном аспекте направлена на Другого, не разрушая грани между Я и инаковостью. Исповедание окрашено субъективными оттенками, имеющими интимный характер, тем самым являя открытость Другому и даже беззащитность перед ним особенно при обнажении своего потаённого как про-из-ведения / вне-себя-потаённости. Наличие исповедальности говорит о том, что есть некто услышавший / выслушивающий Я. В целом, по С. Франку, *социальные отношения пронизаны священностью*, что подчеркивает ценность человеческого бытия с присущими ему уникальным и общим, инаковым и родственным. Подчеркнём, все описанные С. Франком ситуации (встреча, дарение, исповедание), несмотря на их этический аспект, не подразумевают полного снятия завесы с потаённого, тем самым оставляя место для непостижимого.

Подводя итоги, выделим следующие положения. Появление потаённости обусловлено непотаённым, то есть впечатлениями внутри системы «человек – мир», опытом взаимодействия и взаимоотношений с Другими (культурой / социальным / людьми). На основе действительного личность творит потаённое как сферу своей субъективности, пряча ее в недрах собственного бытия. Потаённое несет в себе скрытую информацию о мыслях / идеях / мечтаниях / страхах человека, которая нередко никогда не появляется в бытии и уходит навсегда вместе со смертью личности в бездну Небытия, в чем обнаруживает себя метафизический парадокс потаённости как небытия бытийного / бытия небытийного. Это влечёт за собой своеобразный дуализм ситуации. С одной стороны, потаённое, существуя в субъективном, остается для внешнего мира никогда не познанным и невозможным для познания, находясь за пределами любых, даже современных технических, возможностей. С другой стороны, если личность является творческой натурой, то ее потаённое выплескивает в полном / неполном объеме в создаваемых (художественных / научных / религиозных и др.) произведениях / про-из-ведениях как пришедших из потаённого, тем самым давая возможность расшифровать некоторые аспекты сокрытого. Высвечиваясь в творчестве, потаённое позволяет говорить о его относительной прозрачности. Но здесь мы встречаем определённые трудности, приводящие нас к идее невозможности полного раскрытия потаённого: оставленные тексты могут иметь множество интерпретаций (адекватных и неадекватных), открывая простор для научного фантазирования Другим, рассматривающим потаённое со своих позиций, через свою субъективную оптику (в том числе, потаённого). Можно утверждать, что потаённое есть существующее, но большей частью не осуществленное, что позволяет говорить о нем как небытию бытийного / бытии небытийного.

Список литературы:

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 925 с.
2. Колядко В.И. Предисловие // Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. С. 5-28.
3. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
4. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечное. М.-СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000. 409 с.
5. Мелих Ю.Б. Личность, лик, лик другого: опыт необычного историко-философского сопоставления (Левинас, Киркегор, Флоренский, Карсавин) / Сущность и Слово: сборник научных статей к юбилею проф. Н.В. Мотрошиловой. М.: Феноменология-Герменевтика, 2009. С. 551-571.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221-238.

7. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 562 с.
8. Родзинский Д.Л. Роль свободы и знаний в достижении человеком состояния небытийственного совершенства // Психология и психотехника. 2011. № 11. С. 36-42.
9. Шугуров М.В. Соотношение смысла и небытия в антропологической онтогерменевтике: культурно-философские проекции // Философия и культура. 2013. № 10. С. 1353-1367. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.9473).
10. Прохоров М.М. Онтология: «бытие и небытие» или «бытие и сущее»? // Философская мысль. 2013. № 5. С. 1-102. (DOI: 10.7256/2409-8728.2013.5.284. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_284.html).

References (transliteration):

1. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: AST, 2009. 925 s.
2. Kolyadko V.I. Predislovie // Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: AST, 2009. S. 5-28.
3. Frank S.L. Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii // Frank S. Sochineniya. M.: Pravda, 1990. 608 s.
4. Levinas E. Izbrannoe: total'nost' i beskonechnoe. M.-SPb.: TsGNII INION RAN, 2000. 409 s.
5. Melikh Yu.B. Lichnost', lik, lik drugogo: opyt neobychnogo istoriko-filosofskogo sopostavleniya (Levinas, Kirkegor, Florenskii, Karsavin) / Sushchnost' i Slovo: sbornik nauchnykh statei k yubileyu prof. N.V. Motroshilovoi. M.: Fenomenologiya-Germenevtika, 2009. S. 551-571.
6. Khaidegger M. Vopros o tekhnike // Khaidegger M. Vremya i bytie. M., 1993. S. 221-238.
7. Markov B.V. Znaki bytiya. SPb.: Nauka, 2001. 562 s.
8. Rodzinskii D.L. Rol' svobody i znanii v dostizhenii chelovekom sostoyaniya nebytiistvennogo sovershenstva // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2011. № 11. S. 36-42.
9. Shugurov M.V. Sootnoshenie smysla i nebytiya v antropologicheskoi ontogermenevtike: kul'turo-filosofskie proektsii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 10. S. 1353-1367. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.9473).
10. Prokhorov M.M. Ontologiya: «bytie i nebytie» ili «bytie i sushchee»? // Filosofskaya mysl'. 2013. № 5. S. 1-102. (DOI: 10.7256/2409-8728.2013.5.284. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_284.html).